

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, преподаватель

ЧПОУ «Московский городской открытый колледж»

г. Москва

**Д.А. ДРИЛЬ И СЕДЬМОЙ СЪЕЗД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ВОСПИТАТЕЛЬНО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1908 г.)**

Аннотация: в статье освещается жизнь и деятельность одного из самых известных деятелей движения спасения несовершеннолетних правонарушителей от тюремных стен. Сообщаются данные о Д.А. Дриле, его деятельности в области развития воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей, участие его в Седьмом Съезде представителей исправительных заведений для малолетних и несовершеннолетних правонарушителей в 1908 г., проведении дискуссий о различных вопросах деятельности воспитательно-исправительных заведений и исправительного воспитания несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова: Российская империя, исправительные заведения для малолетних, несовершеннолетние правонарушители, воспитательно-исправительные заведения.

О воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних правонарушителей писали следующие исследователи: Н.А. Белова [1], А.Н. Кежугин [4] и многие другие.

Некоторые проблемы перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей Д.А. Дриль раскрыл в своих сочинениях [2; 3].

После доклада представителя Владимирского воспитательно-исправительного заведения для несовершеннолетних правонарушителей А.И. Шмелева Д.А. Дриль поинтересовался: «Вы сказали, что колония находится в последнее время в затруднительном положении со стороны финансов. Насколько мне

известны условия колонии, колония находится в самой близкой связи с Владимирским земством. Колония почти считается земской, как мне известно. Почему колония испытывает такую нужду, когда у колонии есть такой сильный попечитель, как Владимирское земство?». На это другой представитель Владимирской колонии И.В. Малиновский ответил: «Земство нам помогает, увеличивает свое пособие, увеличило ссуду на 3 тысячи; в настоящее время отпускает 6 000 рублей, и отпустило авансом 5 000 рублей на восполнение дефицита» [5, с. 34].

На следующий вопрос Д.А. Дриля о том, что данная сумма не удовлетворила всех потребностей, которые существовали в колонии, и колония продолжала быть не обеспеченной, представитель колонии И.В. Малиновский ответил, что бюджет колонии возрос до 10 000 рублей.

Дриль заострил также внимание на том, что во Владимирской колонии была штрафная семья, и «...вы сказали, что одной из мер, которые применяются к этим штрафным, служит задержание их во время прогулок в карцере. Что руководило Правлением колонии при введении такой меры? Прогулка ведь не есть награда или какое-либо излишество, это есть потребность организма. Неужели Правление колонии лишает мальчиков того, что составляет потребность организма? Ведь этим она влияет на их поведение». На это А.И. Шмелев, представитель колонии, отвечал: «В штрафную семью помещаются неисправимые и те, которые часто бегают; если их возвратят, то через два-три дня снова бегут, бегут обыкновенно с прогулки. Иногда бывает так, что такая составит семья, что все бегут» [5, с. 34–35].

Также Д.А. Дриль задал вопрос, что в колонии с 16-летнего возраста разрешается курение и «что такая мера оказывает хорошее влияние, потому что малыши не курят, им мешают взрослые. Не развивает ли у младших это разрешение курить взрослым стремление и самим курить, и чем вы оправдываете перед младшими это разрешение?». На это А.И. Шмелев отвечал, что «...мы им объясняем, чем моложе организм, тем курение вреднее, а окрепший организм может вынести. Кроме того, ставим им на вид, какие были последствия курения. В последнее время было два случая пожара от тайного курения на скотном дворе и в сарае.

Чтобы курение не было тайным, правлением было допущено курение открыто воспитанникам после 16 лет, от этого число курящих не увеличилось, а в некоторых случаях уменьшилось» [5, с. 35].

Д.А. Дриль участвовал в расспросах представителя Мологского приюта для несовершеннолетних правонарушителей Н.А. Казаринова и задал вопрос о том, что пришлось обращаться в некоторых случаях к тюремному инспектору для удаления воспитанников из приюта, но удаления не было ни разу. Почему тюремный инспектор считал это неудобным и не удалял воспитанников? Казаринов сообщил: «Мне пришлось просить об удалении одного воспитанника, как действительно очень дурного. Он бегал более 8 раз и даже со взломами. Я просил удалить его. Второго воспитанника я просил удалить потому, что он оказался зараженным болезнью, и может быть, в мое нахождение здесь он уже удален. Это было как раз на последних днях» [5, с. 50].

И.Г. Певнев – представитель Курской колонии для несовершеннолетних правонарушителей – также отвечал на вопросы Д.А. Дриля. Дриль спросил его о том, как долго длятся занятия в колонии: «Вы сказали, что занятия у воспитанников длятся от 6½ часов утра и до 7 часов вечера, и что же в этот период времени бывает отдых?». Певнев отвечал: «Полчаса на утренний час, или завтрак, 1½ часа на обед, полчаса на вечерний чай, всего 2½ часа» [5, с. 60].

Е.С. Лукашевич, представитель Подольской колонии для несовершеннолетних правонарушителей, также читал свой доклад о колонии. Д.А. Дриль задал вопрос о том, что в колонии арендуется 24 десятины земли, «а как она культивируется?». Лукашевич отвечал, что она разделена на 7 полей, семипольное хозяйство. На вопрос Дриля: «...досрочно выпущенных у вас не было?», Лукашевич отвечал, что были, в 1904 г. Дриль также спросил о том, как устраивались выходящие из колонии. Лукашевич ответил, что «работавшие в сапожной мастерской поступают в сапожные мастерские; а изучившие сельское хозяйство (большинство из них жители села) или работают на своих земельных участках, или поступают в качестве наемных рабочих» [5, с. 61].

Дриль также участвовал в дискуссии по поводу доклада представителя Тамбовской колонии для несовершеннолетних правонарушителей И.В. Касаткина. Интересовало Дриля наличие врача-психиатра в колонии. Касаткин отвечал, что врач-психиатр находится при земской больнице и ездит к нам каждую неделю. Также Дриль спросил, что «врач-психиатр получает 100 рублей жалованья; кем уплачивается оно, вами или земством?». Касаткин отвечал, что «врач-психиатр получает эту прибавку от земства». На вопрос Дриля: «Вы мне передали несколько очень интересных программ литературных вечеров, которые вы устраивали. Мне интересно, какое влияние оказывают эти вечера на питомцев?». Касаткин отвечал: «Самое лучшее влияние. За 2 месяца начинают готовиться. Им дают разучивать стихотворения, готовятся они и по пению, по музыке; это их занимает». На вопрос Дриля: «В то время, когда они готовятся, проступки мелкие уменьшаются или увеличиваются?». Касаткин ответил: «За последние четыре года случались шалости, но больших проступков не было. В 1908 г. был такой случай: мальчик обратился к мастеру «дайте рубанок», мастер ответил, что когда нужно будет, тогда даст. Мальчик выхватил рубанок, замахнулся на мастера в раздражении. Мальчик прибежал ко мне, хочет жаловаться. Я его не расспрашиваю и говорю: успокойся, тогда поговорим, посиди в отдельной комнате минут 15. Прошло полчаса. Стал с ним говорить, мальчик сказал: «да, я погорячился, но мастер был несправедлив». Наказывать его я не стал» [5, с. 108–109].

На вопрос Дриля: «Сколько у вас бывает публики на вечерах?». Касаткин отвечал: «До 200 человек, и губернатор бывает» [5, с. 109].

В докладе о Тверском приюте для несовершеннолетних правонарушителей Дриль заинтересовал вопрос о том, что «...этот товарищеский суд, который был введен вашим предшественником, продолжает ли он функционировать?». На что П.В. Селиверстов, директор Тверского приюта, сказал: «Колония переживала переходное время, и многое из того, что было заведено моим предшественником, пришлось остановить и сейчас не функционирует. Иногда приходится привлекать к обсуждению проступков и самих воспитанников, но чтобы это обставля-

лось известной формой – этого нет». На вопрос Дриля: «Вы упомянули об изоляции, как высшей мере наказания. В чем она состоит? Имеется ли карцер?». Селиверстов отвечал: «Карцера нет в настоящем смысле. Изолируем в особую комнату: может, для этого служит спальня или классная. Но не всегда такая изоляция носит карательный характер, приходится удалять их в целях успокоения». На следующий вопрос Дриля: «Значит, это преимущественная мера понижения нервного состояния, в котором воспитанник находится в данное время, а не мера карательная?». На что Селиверстов отвечал: «В некоторых случаях и мера карательная». На вопрос Дриля о том, каков максимум времени, в течение которого воспитанник изолируется, Селиверстов ответил: «Мы не так часто прибегаем к этой мере. Если мальчик при этом не назначается на работу – то до суток; если назначается, то удаление продолжается до недели» [5, с. 113–114].

Дискуссия продолжалась. На вопрос Дриля «относительно постановки у вас врачебного надзора. Как вы это организовали?», Селиверстов отвечал: «Мы обращаемся в необходимых случаях к врачу соседней Бурашевской колонии. Постоянного врачебного надзора у нас не существует». Дриль продолжал задавать вопросы: «Приплачивает ли ему за это земство?». Селиверстов: «Врач приезжает совершенно бесплатно». Еще одним вопросом Дриля был: «Прежде были связи у вас с хозяйством земской колонии. Там были развиты пчеловодство, огородничество, садоводство. Продолжается ли теперь эта связь?». На что Селиверстов сообщил, что теперь колония эта не существует. Организуется сельское хозяйство, благодаря поддержке департамента земледелия, который дал нашей колонии ассигновку на 3 года. Мы же приступили к расчистке земельного участка для использования. На последний вопрос Дриля: «При вашем предшественнике были взаимные посещения между мужской и женской колонией, устраивались вечеринки. Продолжается ли это, или совсем прекратилось?». Селиверстов: «Последние два года этого не было» [5, с. 114].

Затем Д.А. Дриль в небольшом сообщении рассказал о том, что у Тверского земства «...существовала земледельческая школа, на которую оно отпускало 1

500 рублей. Земство закрыло эту школу и, когда обратило свое внимание на Тверскую колонию, вошло с ходатайством в Главное Управление Землеустройства и Министерство Юстиции, а Главное Тюремное Управление поддержало это ходатайство, чтобы субсидия на эту колонию, которая выдавалась для развития сельскохозяйственных знаний, перешла в приют. На это мы получили от Главного Управления ответ, что оно считает возможным выдавать такую субсидию колонии, но не в полном размере, а только 700 рублей» [5, с. 115].

Еще одну справку Д.А. Дриль привел на том же совещании: «Дело в том, что Министерство Земледелия и Главное Управление Землеустройства имели особое совещание по вопросу об устройстве школ низшего типа. Я был командирован и присутствовал в этом совещании, которое касалось этих школ. Министерство Земледелия в первое время охотно шло на помощь, давало субсидии до 3 000 рублей в год, на которые устраивались школы 1 и 2 разрядов, но оказалось, что результаты, которые получались, были неудовлетворительными, в силу этого Министерство стало подумывать о том, чтобы школ не устраивать, и не иначе, как с большим выбором давать пособия на курсы садоводства и огородничества. Вот в каком положении находится дело. Выдача субсидий и сокращение их размера зависит от неудовлетворительной постановки дела в самих школах» [5, с. 115–116].

Список литературы

1. Белова Н.А. Деятельность съездов представителей воспитательно-исправительных заведений в России в период с 1881 по 1911 год / Н.А. Белова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – №10. EDN FHDSZE
2. Дриль Д.А. Малолетние преступники: Этюд по вопросу о человеческой преступности, ее факторах и средствах борьбы с нею / Д.А. Дриль. – Вып. 1. – М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1884–1888.
3. Дриль Д.А. Ссылка и каторга в России: Из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь / Д.А. Дриль. – СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелева, 1899.

4. Кежутин А.Н. Борьба педагогической и юридической общественности с курением в исправительных заведениях Российской империи на рубеже XIX–XX вв. / А.Н. Кежутин // Общество: философия, история, культура. – 2018.

5. Труды Седьмого Съезда представителей состоящих под высочайшим покровительством Его Императорского Величества Государя Императора русских исправительных заведений для малолетних. Октябрь 1908 г. // Высочайше утвержденное постоянное Бюро Съездов. – М., 1909.